

Руслан Романенко

ААХРОН

Научно-фантастический
роман

Руслан Романенко

**ААХРОН. Научно-
фантастический роман**

«Издательские решения»

Романенко Р.

ААХРОН. Научно-фантастический роман / Р. Романенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967068-7

Действие разворачивается в будущем, после глобальной катастрофы. Смелые герои сражаются за освобождение человечества от тайных диктаторов.

ISBN 978-5-44-967068-7

© Романенко Р.
© Издательские решения

Содержание

2. ЗАХВАТ	12
3. НЕБЕСНОЕ ПЛАМЯ «ПРИЗРАКА»	21
– Я!	22
– Мурена! – Я! – Простой! – Я! – Колбаса! – Я! – Некромант! – Я! – Жухлый! – Я! – Безымянный!	23
– Я!	24
4. ВОРКИ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

ААХРОН

Научно-фантастический роман

Руслан Романенко

Редактор Наталья Лясковская

© Руслан Романенко, 2019

ISBN 978-5-4496-7068-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. ААХРОН

– К огромному зданию храма уже давно не вели дороги и тропинки, только дикий кустарник причудливыми перепадами повторял когда-то сложный рельеф местности. Время от времени луна выглядывала из-за облаков, и тогда путник, осторожно пробирающийся в чаше ветвей, чуть ускорял движение. То и дело в темноте он спотыкался о торчащие из земли корни, падал, вставал и снова упорно продолжал путь.

– Орон был молод, ему едва исполнилось 17 лет. Он был бос, его одежда напоминала лохмотья. Сквозь дыры плаща можно было увидеть худые рёбра и острые лопатки. Штаны самого примитивного домашнего пошива были сшиты, скорее всего, из нескольких старых мешков для муки – не из пластика, а из крепкого джута. Мешки из такого материала хороший хозяин или хозяйка никогда не выбросят...

– После нескольких часов блуждания в гуще кустарника, Орон достиг западной стены храма и стал обходить её в поисках входа, затаившегося среди зарослей начинающего увядать дикого винограда.

– Вскоре он нашёл яму у стены и, встав на колени, принялся выгребать из неё осенние листья, уже присыпанные первым мокрым снегом.

– Затем он отвалил камень, плотно закрывавший узкий лаз.

Минута – и юноша оказался в кромешной тьме одного из помещений.

Он достал из какой-то ниши в штанах, служившей карманом, зажигалку и на мгновение чиркнул ею, чтобы осмотреться.

– Где то здесь я оставлял тайник со свечами, – пробормотал он.

Ощупью, в темноте он нашёл нужный угол комнаты и, пошарив в куче рухляди, выудил связку свечей и тут же зажёл одну из них.

– Крысы их не тронули, сюда им не пробраться! Хорошо. Надо будет осмотреть всё вокруг. Тут я прятал всё подряд, может, что-то ещё полезное найду, – сказал он сам себе.

Комната, довольно просторная, раньше служила столовой, однако в ней не только трапезничали, но и отдыхали, и жили охранники храма – так уж повелось. Здесь всегда было шумно, кроме ночных часов, но и по ночам иногда собирались компании, которые шумно спорили или общались разрозненными парами и тройками...

Сейчас всё здесь выглядело серым, лишённым цвета, комната обрушилась – мебель развалилась под тяжестью книг, посуды, разной необходимой утвари, покосились рамы с иконами, упали вниз даже светильники и люстры, и теперь валялись на полу, трудно различимые в невообразимом хаосе хлама.

Орон осмотрелся.

Когда глаза привыкли к полутьме, он вскрикнул, увидев в углу большую, бесформенную кучу человеческих костей. Подойдя поближе, юноша принялся со страхом разглядывать останки. По черепам он насчитал девять или даже больше человек разного возраста, потому что среди крупных были там и маленькие черепа. По тому, как они лежали, по переплетениям тел, становилось ясно, что мертвецов сваливали сюда, как попало. С течением времени насекомые уничтожили бы всю их плоть...

Юноша смотрел на кости – ужас и печаль отражались на его лице. В одном из черепов зияло отверстие четырёхугольной формы – он знал, от чего такие остаются.

Наставник рассказывал: пули и лучи были в древности круглыми в сечении. Но однажды после очередной научно-технической революции, учёные и вояки пришли к решению: более целесообразно делать патроны квадратными, так получается намного экономнее и боекомплект укладывается более компактно. А позже таким стали делать и лучевое оружие с гильзами из хрусталя. Вспышка их содержимого приводила к возникновению мощного лазерного луча. Покоряемые народы проклинали всех, кто изобрёл и пользовался подобными лазерами.

Орон протянул руку и вынул из костей детского скелета шнурок со смутно знакомым символом. Приглядевшись, юноша вскрикнул:

– Марта! Марта...

Он потрогал прядь русых волос, приподнял причудливо заплетённую косу с истлевшими останками некогда красивого банта, погладил и осторожно положил назад, на череп...

– Игнат... Моника... София. Иоанн Григорович, Прудник, Борзой... Тебя я не знаю, и тебя...

Упав рядом с останками родных и близких, он уткнул лицо в ладони, выронил свечу, зажмурившись, крепко прижав пальцы к глазам.

И пролежал так довольно долго.

Затем приподнялся, сел, протёр намокшие глазницы, снова зажёл свечу, встал и подошёл к двери.

Она оказалась заперта.

– Должен быть ключ. Должен! Серафисты, помогите мне! Живой в могуществе Всемогущего... – начал читать он древнюю молитву.

Он осторожно обшаривал обломки, которые когда-то были мебелью. Перебирал книги, которые тут же рассыпались в руках, остатки одежд, обломки ящиков... Становилось ясно, что когда сюда снесли убитых, после этого тщательно обыскали помещение и забрали всё мало-мальски ценное.

Он понял, что действует неправильно. У каждого элтарщика имелся свой тайник, где тот прятал ключ. Их тогда здесь жило двое – Борзой и Иоанн Григорович. Первый облюбовал место у окна, которое потом заложили кирпичом, другой любил лежать на диване...

Орон обшарил окно и всё вокруг него, но ничего не нашёл.

Тогда он принялся исследовать то, что осталось от некогда роскошного дивана: подушка, хм, скорее – то, что от неё осталось, пружины, опять рваньё, доски, доски, ножка, ножка. Вдруг он услышал, что внутри одной из ножек что-то постукивает. Орон потряс сильнее – там явно болтался какой-то предмет, стучал о стенки. Он обрадовался.

Но как же предмет там оказался?

Будем разбираться.

После долгих усилий Орон всё же раскрутил ножку на две части и оттуда выпал длинный ключ.

– Уф, Григорович, мир праху твоему.

Сердце в груди юноши бешено стучало.

Он подошёл к двери, вставил ключ и попытался провернуть, но замок не поддавался.

Орон был смекалист, он многому научился и за время, проведённое им в храме, и после этого. Он смазал ключ найденным в одной из бутылок маслом, потихоньку покручивая ключ влево и право, пробовал толкать дверь туда и обратно.

Всё тщетно.

Осталась последняя надежда: вставить ключ в скважину и подогреть его свечой.

Что в конечном итоге и помогло.

– Значит, замок просто замёрз. Это не удивительно.

Орон стал осторожно толкать дверь, но что-то мешало ему с другой стороны. Пришлось толкнуть посильнее!

Протиснувшись в образовавшуюся щель, он увидел ещё один скелет. Человек умер возле двери или был убит уже после того, как дверь заперли.

Орон пошёл коридору в направлении алтара.

Помещение выглядело опустошённым. Много из того, что здесь когда-то находилось, исчезло.

Исчезли картины, исчезли почитаемые изображения, исчезла мебель. Из скудного убранства, собранного до того, как восстановили храм, не осталось ничего.

Наконец юноша оказался перед дверью, ведущей в алтар.

Она не была заперта, через её полуоткрытый проём можно было увидеть часть помещения алтара, освещённую слабым лунным светом.

Странно, но здесь всё осталось на своих местах.

Орон наложил на себя священное знамение, прочитал длинную молитву, встал на колени и поцеловал пол перед входом.

Поднялся, постоял и нерешительно переступил порог.

«Они побоялись войти или им кто-то запретил, – подумал он. – Наставник всё же был прав».

В углу он увидел ещё один скелет. Мертвец словно привалился к стене. Кисть правой руки отсутствовала, на уцелевших костях виднелись повреждения, ноги были перебиты во многих местах. Не хватало также нижней челюсти. Видимо, человек заполз внутрь и умер здесь.

Орон подошёл к нему, посмотрел на цепь, обвивавшую останки.

– Воин Римлянин, мир праху твоему...

Он прошёл через одну из боковых дверей внутрь храма. В отличие от алтарной, здесь царили последствия страшного погрома.

Под ногами звенели стреляные стеклянные гильзы, хрустел разный мусор.

Наконец он увидел валяющиеся кости правой руки Римлянина, которую отсекли, скорее всего, на том месте, где она лежала.

Здесь тоже всё было разрушено, стены избиты следами лучей, исписаны, изрисованы кощунственными надписями.

– Спокойно! Я всё это знал. Я знал это с момента, когда это произошло и до сегодняшнего дня. Я всё знал... Спокойно.

Он вернулся в алтарь, приблизился к Престолию Жертвы и, взявшись за края каменной плиты, укрывавшей Престолий сверху, принялся медленно сдвигать её влево.

Каменная плита была необыкновенно тяжела: чуть тронувшись с места, она остановилась. После четырёх попыток, которые полностью лишили его сил, он, задыхаясь, упал на пол рядом с Престолием, чтобы немного отдышаться.

Он закрыл глаза.

На него нахлынули воспоминания девятилетней давности.

– А я тебе говорю, что не претворяется хлеб и вино в плоть Бога! Мы только умственно это всё воспринимаем. Не может этого быть, не может! Это только наше представление... Не может Господь снисходить к нам, грешным, Своим пречистым телом, чтобы мы вкушали Его плоть!

– Ах, как же ты, мой брат Римлянин, можешь такое говорить! Это же ересь. Как тебя терпит наш Наставник? Уму непостижимо!

– Вот потому и терпит Григорович, что ум мой пытлив. Правда, София?

Возле окна, которое было пронизано ярким светом восходящего солнца, высветилась фигура дородной женщины. Она была очень красива, черты её лица были удивительно правильными.

– Отцы, спор ваш сложен и искусен. Только скажу я вам, что должны вы спросить пастыря нашего – и делу венец, – ответила женщина, чинно протирая очередную тарелку в уголке для мытья посуды.

Орон сидел в углу и чистил подсвечник. Каждое утро, придя в храм, он слышал примерно такие же речи.

Римлянин был спорщиком, он спорил без конца. Совершенно непонятно было: делает ли он это из убеждения или из желания найти доводы, опровергающие его утверждения.

К Орону подошла маленькая Моника.

– Олон, ты станешь моим женихом, когда я выласту?

– Дочь моя, что я слышу! – София всплеснула руками. – Как ты можешь такое говорить?..

Все засмеялись.

Орон ничего не ответил Монике. Чуть улыбнулся и, склонив голову ещё ниже, стал ещё усерднее чистить подсвечник.

Вошёл наставник.

Это был человек высокого роста, худощавый, темноволосый. Чёрная, как смоль, борода прикрывала небольшой деревянный крест у него на груди.

Он окинул всех грустным взглядом.

– Дорогие братья и сёстры, вот и в наши забытые властями края пришла беда. Думаю, нам нужно закрыть храм. Пока что на месяц. Служить будем по возможности тайно. Наставник Сергей передал, что близятся гонения и облавы на верующих людей, вы знаете, чем это всем нам грозит.

– Да, неплохо было жить без нашей заботливой власти, – хмуро произнёс Римлянин. – Добрались уже и до нашего захолустья, мы же на самом краю. Ну, побродят, побродят и уйдут. А как же мы оставим храм?

– Надо прибрать тут всё до вечера, всё священное спрячем. Орон, будь добр, сходи домой и позови маму, чтобы она нам помогла. Может, ещё кто-то согласится, нужно торопиться.

– А мне даже нравится, когда богослужения в подземельях проходят! Так ведь почти по всей стране. Как в самой глубокой древности... – покивал головой Григорович.

Орон не слышал продолжения разговора – он уже со всего духу бежал домой.

Маленький ветхий глинобитный домик стоял через пару улиц от храма. Окружённый небольшим фруктовым садом, со своим колодцем, он ничем не выделялся от домиков рядом. Но Орон его очень любил. Любил читать книги в тени деревьев, размышляя над прочитанным или обдумывая, какие вопросы задать Наставнику, который и научил его читать года три назад.

Наставника обожал весь посёлок. Неверующие порой не воспринимали его служение, но прощали ему за то, что он бесплатно учил всех детей посёлка. А учил он хорошо. Наставлял в хорошем не только детей, но и родителей.

Мог Наставник оказывать и медицинскую помощь. Все удивлялись: до чего может быть сведущ человек в самых разных делах и вопросах!

Однажды Наставник совершенно случайно оказался рядом с глубоким оврагом. Один из мальчишек-пастушков, которые следили за стадом коров, по неосторожности сорвался с обрыва. Наставник спас его. Мать и отец мальчика поклялись благодарить Наставника до гробовой доски, после того, как тот поставил на место вылезшую из огромной раны бедренную кость, обработал какими-то травяными антисептиками и зашил, оставив небольшое отверстие для выхода гноя. Воспаления всё же не удалось избежать. Пять дней мальчишка метался в бреду. Но Наставник не отходил от израненного ребёнка. Он непрестанно молился, поил малыша отварами и промывал рану. К моменту выздоровления мальчика уже сам наставник нуждался в помощи: ведь он не смыкал глаз и ничего всё это время не ел. Как только со щёк мальчика сполз восковой цвет, они порозовели, наставник свалился в сон и проспал почти двое суток. Проснувшись, он попросил только кувшин молока, от всего остального отказался и ушёл.

С тех пор, если кто-то заболел или получил рану, люди сразу бежали в храм.

Конечно, Наставник не всегда мог помочь. Тогда он сразу сообщал об этом, и проводил с умирающими долгое время, стараясь облегчить не только их физические страдания, но и душевные.

Болезнь в посёлке стали меньше: наставник охотно объяснял всем желающим правила гигиены и санитарии.

Орон нашёл маму в огороде. Однако выйти из дома они не успели.

Со стороны храма послышалась стрельба и крики. Орон уже собрался было бежать туда, но мать заслонила собой дверь. А потом и вовсе запёрла его в чулане.

Там он и провёл несколько часов томительного ожидания.

Вечером она отворила дверь чулана, заплаканная и бледная.

Посадила его на колени, обняла...

– Не ходи туда, не ходи, сынок! Всех убили, звери, звери... Зашли в храм – все там и остались. Сейчас храм закрыли и сказали, что если кто войдёт, то они и посёлок сожгут дотла. А Наставника увезли с собой...

Больше с тех пор в посёлке не было ни наставника, ни учителя и врача.

Орон рос, много читал и перечитывал уже прочитанное, с каждым разом всё больше постигая смысл. Ему повезло: мать его прятала очень много книг, многие из которых были запрещены, как опасные для государства.

Прошло девять лет, ничем не примечательных в жизни деревенского юноши.

И наконец произошла встреча, которая изменила всю его жизнь.

В один из пасмурных и уже холодных осенних дней Орон отправился в лес, чтобы пополнить запас дров. Собирая валежник, он услышал недалеко старческий женский голос. Слова, которые говорила женщина, были понятны, но звучали странно и непривычно:

– О, чудный рыцарь, государь! Не сможешь ли ты бабушке выбраться из этой западни?

Орон осмотрелся и увидел в самой чаще диких кустов сторбленную фигуру. Старушка угодила ногой в какую-то ямку или нору и была так слаба, что не могла ни вытащить оттуда ступню, ни подняться. Вся она была перевязана разными истёртыми и дырявыми платками, из-под которых виднелось такое же древнее пальто самого серого цвета.

– Доброго дня, бабушка. Как вы странно говорите... Откуда вы, как вы сюда попали? Вам очень повезло, раз я вас нашёл, а то могли бы и замёрзнуть.

– Я издаю, внучек, из-за тридцати земель пришла сюда, чтобы глянуть как вы тут живёте, как ты живёшь. Господь своих не оставляет!

Орон тем временем принялся осторожно расширять ямку своим небольшим топориком.

– Вы верующая?

– Как же быть такой грешнице, как я, неверующей... А ты не прочитаешь ли молитовку, чтобы меня укрепить?

– Хотите 90-й Псалом? Он как раз подходит для такого случая.

Орон улыбнулся, взглянув на неё и удивившись старческой благородной красоте её лица и ясности её голубых глаз.

– Ох, внучок, ты мне лучше 50-й читай, а 90-й мне уже поздно.

Орон начал громко читать псалом.

Ногу пришлось обкопать вокруг, так она отекала и сильно опухла.

– Отнесу-ка я вас, бабушка, к себе. Надо вас отогреть, да и переночевать у нас можно.

Старушка кивнула.

Орон взвалил её лёгкое, как пушинка, тело на спину и, ускоряя шаг, двинулся домой, стараясь смотреть под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть со своей живой ношей.

Уже затемно он пришёл домой.

Мать сначала удивлённо вскинула брови, но, ни слова не спросив, сразу принялась хлопотать.

Гостью положили на топчан, поближе к печи, разогрели воду и обложили её утлое тело грелками.

Мадлена налила тарелку горячего супа и поднесла гостье, но та отказалась.

– Присядь рядом со мною, добрая женщина, присядь и ты, Орон.

– Откуда вы знаете, как нас зовут?

Орон не помнил, чтобы он называл незнакомке своё имя и имя матери.

– Ангелы Божии всех своих знают по именам, вот и меня привели к тебе. Не с пророчествами, не с тайновидством. Если вы добрые христиане, то уважите старого человека. Ты, Мадлена, отпусти его в храм. Господь посылает его. Я знаю, что ты запретила ему, и он, как добрый сын, слушался тебя все эти годы. А ты, Орон, найди ту заветную частицу, которая не должна попасть на поругание к кощунствующим врагам Божиим. С такими словами привёл меня ангел в дом ваш! Простите мне грехи мои и я упокоюсь с миром...

Мадлена и Орон слушали с изумлением.

Не успели они произнести ни слова, как увидели, что пожилая женщина испустила дух.

Они были так ошеломлены всем произошедшим, что долгое время не могли сдвинуться с места.

Первой заговорила мать. Она была совершенно спокойна:

– Я знала, что это произойдёт. Уже неделю я вижу один и тот же сон, каждую ночь: дверь отворяется, за ней много света – и ты уходишь в неё. На всё воля Божия! Я сама похороню её, как подобает, а ты иди. Увижу ли я тебя ещё...

Она разрыдалась и бросилась к нему, обнимая и целуя.

Долго они не могли расстаться...

Уже глубокой ночью она перекрестила Орона и напутствовала:

– Во всём полагайся на Бога, но и сам не плошай: думай своим умом! Будь добр к людям. Не рискуй напрасно. А я тебя буду ждать и молиться...

Лёжа в элтаре, Орон опять и опять вспоминал тяжёлые минуты расставания.

Они распрощались навсегда – такое у него было чувство.

Орон приподнялся, подумал: как он такой худой и истощённый сдвинет эту огромную плиту?!

Он поднял глаза ввысь и закричал:

– Боже, дай мне сил!

Опять подошёл и налёг, и ему показалось, что плита начала медленно сдвигаться...

Чувствуя, что жилы вот-вот порвутся, Орон всё-таки собрался и снова поднапрягся.

Плита подалась с тяжёлым скрежетом.

Юноша упал на землю, отдышался и полез внутрь.

Он нашёл то, что искал, положил в маленький деревянный ларчик, который дала ему мать.

И тут же услышал шум снаружи.

2. ЗАХВАТ

– Что это ты, Жухлый, миссия наша тебе не нравится?

– Ты знаешь, Дэн, я не люблю такие операции. На фронте всё ясно – где враг, где свой. Мы воины, в крайнем случае, мы – каратели Тьмы. Мы с тобою много крови пролили – и своей, и чужой, но соревноваться в том, кто совершит большее святотатство и богохульство, я не хочу.

– Ты святоша, Жухлый, или тебя очаровало и пленило это суеверие? Хочешь понравиться командиру? Он у нас тоже вроде как из святош, и, кстати, именно поэтому он хорошо знает эти места! Он вырос в этих местах. Ему поручили тут подчистить концы, чтобы не сильно цеплялся за своё прошлое. Старый мир надо похоронить, Жухлый, но до этого – его надо убить! И если я увижу, что ты не готов, то кто знает: может быть, я, оказавшись у тебя за спиной, решу и тебя похоронить вместе с ним. Не будь ты лучшим фехтовальщиком... Я удивлён: уж не тайный ли ты святошка? Вот же! Уже триста лет искореняют это колдовство и идолопоклонство, а всё никак... Если бы о твоей болтовне прознал верховный прокурорсис или даже командир полкира, то недолго бы ты мучился.

– А ну-ка, потише там, щенки! Разговоры во время операции запрещены.

– Какая операция, командир? Мы рыщем в поисках какой-то дрянной, никому не нужной штуки. Почему это поручили лучшим бойцам элитной дружины воинов Тьмы? Я не против, если нас так решили поощрить, чтобы мы тут просто оттянулись пару дней...

– Тебе незачем понимать то, что нужно Решающему Зине. Да ты и не поймёшь, это верно. И, пожалуй, хорошо.

– Если бы ты, командир, не вынес меня два раза из-под лучей дырявого, как решето, если бы ты не делил со мной то дерьмо, которым нас кормят, и если бы ты не был на всю башку отмороженным воином Тьмы, как и многие из нас, я бы тебя уколошил, клянусь!

– Дэн, сколько тебе лет, щенок? – раздался изумлённый голос командира.

– Ты же знаешь, мне неделю назад исполнилось четырнадцать! Лучшие воины короновали меня. Я такой же, как и ты, я прошёл испытательный срок! – гордо ответил мальчишка.

– А старших ты, значит, не уважаешь.

В темноте раздался звук удара, хруст и глухое мычание.

– Вернёмся, я тебе этим же прикладом сломаю вторую руку – ту, что стреляет, – проронил командир.

Дальше шли в тишине.

Только через некоторое время раздался голос одного из воинов:

– Как тут всё заросло, придётся прыгать...

– Прыгать на 265 метров?! Мой дальномер именно столько показывает. Это на грани критической перегрузки...

– Да, Штурман.

– Но там площадочка всего 5 на 10...

– Рассчитывай траекторию и исполняй! – голос командира группы, его тон, не давали не малейшего повода для сомнений. – Очень важно не опаздывать! Особенно если не спешить. Делай!

Они построились в ряд.

Раздался звук, словно распрямилась огромная сверхмощная пружина – и силуэты бойцов взмыли вверх. Раскрылись закрылки и отряд плавно начал планирование на землю похожий на стаю больших чёрных птиц.

Приземлились слаженно, только один не устоял и по инерции покатился – недалеко, его остановила стена. Но ещё один отлетел далеко – и со всего размаху врезался в кирпичную стену храма.

– Кто это?

– Дэн. Бедняга...

– Штурман! Я не это имел в виду!

– Командир, я не виноват, он не выпустил тормозные закрылки! Проверишь потом по записи, если что!

Штурман повернулся к остальным:

– Запомните, грязь! После командира – я тут главный! От меня зависит, где вы окажетесь на поле боя: под лучевым дождём, или в уютной непростреливаемой канавке, перелетите через пропасть или не долетите до её края! Вас, поганый сброд, отдали нам, чтобы мы из вас сделали воинов, потому что мы в последнем бою потеряли почти всех. Пострадавшие находятся на восстановлении, но у одних нет ног, у других рук, у кого-то снесло полбашки, а у моего друга вырвало внутренности, так что вернуться они не скоро. Но когда вернуться, каждый из вас отчитается им за то время, пока их не было. Командир у нас добрый, а вот я не очень. Усекли?

Ответом ему было гробовое молчание.

Командир подошёл к огромным дверям храма, извлёк из прикреплённого к бедру контейнера связку ключей. Он не стал подбирать и путаться, как человек, не знающий назначение каждого ключа, он сразу нашёл нужный, вставил, немного прогрел карманным лазером замок и повернул ключ несколько раз.

– Толкайте!

Отряд бросился к двери и навалился на неё. Дверь с диким скрежетом распахнулась.

Командир подумал, что прикажи он – и эти сосунки вынесли бы многотонные створки одним натиском!

«Хотя это неважно, – отмахнулся он. – С чего бы мне заботиться о сохранности дверей?!»

Они прошли внутрь здания.

– Свет!

Зажглись мощные фонари огневой поддержки.

Он шёл быстро, чётко осознавая цель, полубегом, вскинув к плечу лучестрел, пересёк весь зал, влетел в алтарь и... окаменел.

Плита была сдвинута.

А то, что он искал – похищено.

Но храм простоял многие годы закрытым! Всё вокруг окутывал толстый слой пыли – и на ней множество следов.

Это давало им шанс! Ведь кража могла произойти сейчас, а не день, неделю, год назад...

Следы на пыли казались свежими.

– Тепловизоры включить! Искать!

Он включил свой, несколько раз поменял настройки и облегчённо вздохнул: вор прошёл совсем недавно, с полчаса назад от силы, некоторые следы ещё не остыли полностью и на крохотную долю градуса, но всё же были теплее остального.

Отряд рассредоточился, бойцы стремительно осматривали одну комнату за другой.

– Смотрите-ка, кто это у нас тут, девчонка!

Один из бойцов волочил какой-то ворох тряпок с помощью длинного копья.

Копьё было непростое – оно увенчивалось с двух сторон четырёхконечными лезвиями. Древка этих копий от лезвий до середины покрывали острые шипы. Тот, кого тащил боец, попытался было ухватиться за древко, чтобы ослабить хватку мучителя, но тут же отдёргнул изрезанную до костей ладонь.

Сквозь отверстие между наконечником и шипами копья свисала петля из тонкого троса. Именно эта петля захлестнулась сейчас на шее пойманного. Над петлёй торчал наконечник, готовый, если поступит приказ, перерезать шею пленнику, или даже отсечь ему голову – всё зависело от боевых навыков бойца.

– Полный обыск!

С человека сорвали всю одежду. Трое бойцов начали перебирать её, буквально нитка за ниткой.

Ещё двое взяли пленника за руки и подняли, оторвав от земли, растянули его руки в стороны.

Бедолага охнул и застонал.

Кто-то из бойцов принялся сканировать обнажённое тело специальным прибором.

Прошло несколько минут напряженного ожидания.

– В нём ничего нет, желудок заканчивает переваривание съеденного часов двенадцать назад. Там пара горстей пшена, немного жидкости, суп овощной... Истощён, физические показатели в норме, патологий нет, здоровье без отклонений...

Обыскивающий помолчал, затем воскликнул.

– Без отклонений, командир! Вот это уникам. Не могу поверить! Это же...

– Отставить, доктор, свободен. Гвозди!

Бойцы поднесли пленного к стене и приподняли так, что ноги его находились в полуметре от земли, но на уровне их шлемов. Раздались два глухих удара, пленный закричал.

Он висел, прибитый сквозь запястья металлическими клиньями к стене. Металлическая клешня вцепилась ему в горло, не давая дышать.

Теряя сознание, Орон вспомнил первую боль в своей жизни. Тогда Наставник в первый раз пришёл в их дом. Тогда Орон подорвался на mine, совсем маленьким...

– Терпи. Терпи, сын мой! Как ты мог быть столь неосторожен?!. Что мне делать, Господи...

Мать мальчика всплеснула руками.

Орон лежал на импровизированной госпитальной кушетке, лезвие вошло в его тело чуть выше поясицы и вышло под ключицей.

– Мадлена, я не знаю, смогу ли я чем-то помочь, кроме...

– Наставник, я для этого и позвала вас.

– Я понимаю. Вот беда, почему никто не внимает предупреждениям! Я же вместе со всеми расставил там предупредительные таблички: осторожно, минное поле! Этот участок леса заминирован с той ещё, древней войны. Но детишек всё равно туда тянет, как магнитом... – он сокрушённо покачал головой. – Когда?

– Я сразу послала за вами... это было около часа назад.

– Не будем терять время. Начнём, с Божией помощью! Я введу раствор внутривенно. Будет большая потеря крови. Об остальном мы позаботимся потом. Мальчик мой, сейчас тебе будет очень больно, но ты потерпи. Я выдерну эту штуку из тебя. Ты, главное – дыши и смотри на нас!

Человек в длинной одежде отвёл мать Орона в угол.

– Мадлена, у него пробито лёгкое, возможно, задета печень. Я могу попробовать, но вы должны знать: он может умереть... или остаться слабым и беспомощным инвалидом. Честно сказать, я вообще не понимаю, как он до сих пор не умер от шока и кровопотери!

– Наставник... – слёзы потекли по щекам Мадлены, она рухнула на колени.

– Прошу вас, встаньте!

Орон плохо осознавал, что происходит вокруг.

Они играли в прятки с ребятами. Увлёкшись, он забежал в глухой участок леса – и всё. Больше он ничего не помнил.

Он не мог двигаться, его кто-то принёс домой, какая-то штука торчала из груди.

От поясицы до горла – сплошная боль!

Он не мог пошевелиться. Он видел только полные слёз и страдания очи матери.
И серьёзные глаза Наставника.

– Как же это вынуть? – задумчиво произнёс старик. – Судя по зазубринам, следует тянуть за основание копья, а не вниз, так будет менее травматично...

Он обхватил наконечник копья крепкой рукой.

– Ну, начали!

Орон потерял сознание.

Он не видел, как из его тела извлекают остроконечный шест, усеянный шипами, острыми, как бритва. Он не видел хлынувшей из ран крови, и, конечно, не мог видеть кровь, заполнившую его внутренности...

– Но этого не может быть!

Наставник осторожно прикоснулся к краю раны рукой:

– Смотрите!

Кровь остановилась. Края самой большой раны стали сужаться прямо на глазах.

– Соблазн, – сказал тихо Наставник.

Он вытер чистой тряпицей, которую подала ему мать мальчика, покрытые кровью руки.

– Соблазн! – повторил он. – Я никогда такого раньше не видел. Я не слышал, молились ли вы сейчас, Мадлена, о здоровье своего сына? Как врач могу сказать, что это чудо, хотя бы медицинское. Но мы должны осторожно относиться к чудесам, дабы не впасть в прелесть.

– Я взывала к Богу, ваше преподобие, – робко отвечала мать.

– Я тоже взывал, но после стольких столетий, проведённых в отречении от Бога, даже самый смелый ангел не дерзает приблизиться к нам грешным. И вдруг – это... Давайте попробуем ещё раз помолиться о здравии отрока!

В эту же минуту Орон закричал:

– Мама, мне больно, мама! Мама, мама, мама... мне больно! Аа-а...

– Сыночек, терпи, терпи, будь, как твой отец, он был настоящий мужчина...

Мадлена зарыдала, смахивая слёзы. С нежностью и любовью она поглаживала Орона по тем местам на бедном его измученном теле, где проходила рана, от ключицы до бедра...

Орон впал в забытье.

Ему грезились кошмары, какая-то чудовищная сила давила ему на грудь невыносимой тяжестью. Он метался в бреду, пытался вскочить с лежанки, мать и Наставник удерживали его, а он всё кричал, кричал, кричал...

Его тело опухло, из ран сочились сукровица и гной.

Жар испепелял его.

Казалось, мучительный и печальный конец его жизни уже близко.

– Мама, солнце погаснет, мама! Мы горим! Я горю, мама!

Соседские дети, видевшие через порог всё происходящее, разнесли по посёлку весть, что маленький Орон сошёл с ума.

Никто не верил в его выздоровление.

– Простите, Мадлена, что задаю вам этот вопрос: крестили ли вы своего сына?

– Нет, ваше преподобие, мы только собирались... Мы очень бедны, мне так неловко было к вам приходиться с пустыми руками...

– Понятно. Давайте сделаем это немедленно. Это мой долг.

Времени на обряд ушло много.

Из заброшенного храма принесли купель, пришли несколько старушек и старый алтарник. По скромному жилищу Мадлены поплыл запах возжигаемых священных благовоний, раздалось пение...

Это потом, спустя несколько веков, в легендах будут рассказывать, что весь посёлок собрался у дома матери Орона на молитву. На самом деле пришли только ближайшие соседи, да и те – в надежде на дармовое угощение.

Но несколько человек молились по-настоящему.

Орона приподняли на руках – мать, Наставник и старый алтарник – и погрузили в купель. Он умирал.

У него уже не было сил, он был похож на истаявшую от горения свечу. Восково-бледное мальчишеское лицо его отражало последние отблески огненного жара, он чувствовал только муку, невыносимую муку...

И вдруг его овеяла прохлада.

Боль исчезла – и это принесло ему необыкновенное облегчение!

Во тьме он увидел свет.

Неистовая сила, которая беспощадно раздавливала его тело, душила его, исчезла.

Потом боль вернулась, но странное дело – он мог терпеть эту боль, он мог подчинять её себе...

И сейчас снова, как тогда, в детстве, Орон умирал от боли, но мог ей сопротивляться, хотя боль оглушала его, боль его ослепляла, боль его разрывала на части. Он задышался, он прокусил себе губу и кровь текла по подбородку ему на грудь.

Одна из маячивших перед ним фигур рявкнула:

– Подставку!

Тут же под ногами он ощутил нечто твёрдое, на чём он мог стоять, однако ноги подгибались.

– Врач, укол, обезболить!

Орон видел, как тумане... кто-то подошёл. Самого укола он не почувствовал, но боль прошла. Юноша смог распрямить ноги и встать.

– Я ему дал немного стимулятора и антистраха, время действия восемь минут. А то ведь вы от него ничего и не добьётесь, – с усмешкой сказал Врач.

– Не забывай, что ты, как врач, должен выполнять ещё и функции пытателя и палача!

– Ой, ой, ой... – насмешливо произнёс тот, кто делал укол. – А то вы, командир, не знаете, что врачи после этого уже не врачи. Или, как говорится, хреновые из них врачи. Указ указом, но никто его не соблюдает. Я вообще не понимаю, зачем вы это вспомнили. Вам этого малого жалко? А я официально заявляю, и это будет внесено в запись операции, что задержанный индивид представляет ценность для наших Сил наличием у него идеального здоровья, что, как вы все знаете, практически невозможно уже встретить в наши поганые времена. К тому же за получение части тела с идеальной структурой, а тем более – за живой экземпляр, учреждена награда в 1000 знаков!

– Вот по частям его и сдадим, – пробурчал один из бойцов.

– Да, сдадим... но за живого в 10 раз больше, – парировал доктор.

Кто-то присвистнул.

– Это ж сколько... Неужели нам удача улыбнулась! Я больше 10 знаков в руках в жизни не держал, а ты, Колбаса?

– Молчать всем! – рявкнул командир. – Пока о прибыли забудьте. Нам ещё выбраться отсюда нужно. Всем рассредоточиться и искать то, что он мог спрятать! Кто найдёт, тому 100 знаков и моё уважение. Быстро! Только осторожно, чтобы не затоптать, где он наследил. И помните: не найдём – можем отсюда и не выбраться.

Бойцы бросились выполнять приказ.

Командир отряда остался с пленником наедине.

Вдруг в наушниках его шлема раздался механический голос:

– До ликвидации объекта осталось два часа! Отряд не имеет права покинуть объект, не выполнив задание.

Командир застыл на месте в оцепенении.

Орон рассматривал его.

«Очевидно, этот у них главный», – понял пленник.

«Этот» был высотой более двух метров, похож на человека.

Орон догадался, что командир одет в экзоскелет – наружную защитную оболочку из сверхпрочных материалов, по структуре похожую на панцирь черепахи. Круглая чешуя на нём была гораздо крупнее, чем у змеи, раз в десять. Две ноги, две руки, голова.

Нет – сзади виднелись ещё две руки.

Голова в шлеме, сверху накинута капюшон, почти полностью скрывающий шлем. В капюшоне, на первый взгляд, не было никакой необходимости. Но, наверное, он зачем-то всё же был нужен.

Фигура двигалась перед ним взад и вперёд, не издавая ни звука. Она была похожа на гигантское насекомое.

Но Орон чувствовал, что внутри человек.

Командир приблизился к юноше, схватил его механическими руками за голову и подтащил её к той части шлема, за которой скрывалось лицо воина.

Поверхность шлема выглядела абсолютно чёрной. Прямо перед глазами Орона, всего в двух сантиметрах, внутри шлема пробежала какая-то рябь или волны... Она не выглядела плоской. Казалось, эта чернота имеет глубину.

Неожиданно поверхность шлема стала зеркальной – и Орон увидел в ней отражение своего изуродованного кровотокающего лица.

– Ты скажешь мне, куда ты спрятал Это, – услышал он.

– Я не понимаю, о чём... Что вам нужно от меня? Да запретит вам Всемогущий!

Фигура отпрянула, капюшон сполз на плечи. Поверхность шлема стала полупрозрачной – и внезапно Орон увидел черты лица, укрывающегося за ним.

– Это... это вы!!!

– Ты всё ещё веришь! Жалкий мальчишка! Служка?

– Как вы могли, зачем?..

– Да, это я! Никто не должен был занять моё место. Здесь должен был умереть я, тогда, девять лет назад. Ты... зачем ты вернулся оттуда? Я любил Его всей душой, я страдал, я отдавал бедным всё, что имею, я молился по ночам до утра. Но пришёл этот, которого вы называли «Наставник», и забрал у меня всё. Он – жалкий проходимец!

Фигура двигалась то вправо, то влево, нелепо размахивая длинными руками.

Орону стало не по себе...

– Теперь в моей душе чёрная дыра! Она засасывает меня изнутри, она все эти годы мучает меня. Но я не тако-о-ов! Новое семя ищет землю. Я погублю всё, что было! Я хочу найти покой – и найду его. Отвечай, куда ты спрятал то, что украл у меня. Клянусь, ты пожалеешь о своём молчании!

– Вы сошли с ума, я не могу поверить, что это вы...

– Мальчик, послушай меня: ты даже не представляешь, какие муки тебе уготованы! Отдай безделицу, отдай этот маленький кусочек праха – и я клянусь, что всё для тебя закончится хорошо. Там, куда я тебя отведу, нет бессмысленных молитв, нет болезней, там никто не нуждается, там есть всё, что нужно для простой, счастливой жизни. Правитель заботится о народе. Живи я тогда там, а не здесь, моя семья не умерла бы от чёрной порчи...

Сжатый кулак, обшитый сверхпрочными материалами, врезался пленнику в солнечное сплетение, потом в рёбра. Орон услышал их хруст.

– Я на твоих глазах извлеку твою печень и заставлю тебя сожрать её! Говори!

– Не могу.

Мучитель склонил голову, постоял несколько минут в молчании.

Орон почувствовал, как металлические пальцы впиваются в его печень. Страшная боль, невыносимая боль наполнила его!

– Он говорит, как всегда: покаяйся и наследуешь Крепость Небесную, – только и смог прошептать он, теряя сознание.

Вдруг раздался чей-то громкий хохот. Он эхом прокатился раз под высокими сводами храма, и ещё, и ещё раз!

Бойцы, обшаривающие углы, оторопели: казалось, хохот исходит и из-под пола, и сверху, и со всех сторон.

– До конца операции один час, немедленно рапортуйте командующему о статусе операции. Личному составу подразделения и вам запрещается выходить из зоны поражения, не выполнив приказ, – бесстрастно уведомил командира механический голос.

Тот нажал несколько клавиш на левой рукояти своего запястья:

– Коммандор Зина.

– Я слушаю тебя, – меланхолично ответили ему.

– Объект не найден.

– Я слежу за операцией в онлайн-режиме. Приказываю тактический отряд отозвать. Старшим назначаю Дэна. Как, кстати, здоровье этого моего племянника? Ему также поручаю доставить тело задержанного к нам. Врач и Штурман остаются с тобой до завершения операции. Всё оборудование сдать. Конец (говорящий помедлил) ... связи.

Командир крикнул:

– Врач! Штурман!

Через две минуты они стояли перед ним.

– Всё, – проронил командир. – Это конец.

– Что, списал нас Зина? – повернулся к командиру ошалевший Штурман. – Отлично... совсем не так я думал помереть.

– Иди сюда, – внезапно произнёс Орон. – Я могу сказать...

Теряя сознание, он прошептал что-то на ухо Врачу.

Вся группа собралась в зале. Врач и Штурман перешёптывались. Они уже сняли снаряжение.

В экзоскелетах они ничего не могли бы сделать для своего спасения: те были снабжены дистанционным устройством для подрыва в случае бегства с поля боя. А без них оказывать сопротивление бойцам в экзоскелетах было глупо.

– Кого я вижу! Ветераны всех войн стоят голые... – с явной издёвкой произнёс Дэн. – Ну что, Коммандор, ты мне руку сломал, а она-а-аа ужеросла-аась!

Он рассмеялся.

– Смотри, – Дэн подошёл к бывшему командиру и пошевелил пальцами левой руки перед его глазами. – Это вы, старые гавнюки, лечитесь в Печах Возмездия целыми циклами, а мы, молодые воины, получаем это сразу. Тебе не говорил об этом мой дядюшка Зина? О том, что я получил прививку Жизни?

– Идиот, – тихо пробурчал уже бывший Коммандир.

Но Дэн, видимо, услышал и подскочил к нему. Два усиленных экзоскелетом удара пришили по руке и ногам обидчика. Из ран торчали осколки перебитых костей, но это не остановило новоиспечённого командира группы. Он несколько ударил, стараясь повредить тело бывшего командира так, чтобы тот медленно истёк кровью.

– Это тебе на память, моя милость, может, ты сдохнешь раньше, чем всё начнётся, и не увидишь, как тебя пожирает «Призрак»!

Дэн обернулся:

– Жухлый! Из своей аптечки запень раны пленному, дай ему стимулятор и обезболивающее, подвесь пакет с плазмой. Мурена, ошейник на него!

– Почему это из моей аптечки? – возмутился Жухлый. – Это же одноразовая аптечка. А если со мной что случится?! У нас же есть ещё две аптечки у Командира и Штурмана, да ещё пять – у Врача!

– Потому, дружок, что это НЗ и находится он будет у моего ординарца Сладкого. А ты выполняй команду, а то останешься с ними!

– Смотрите-ка, он уже и ординарцем обзавёлся! – раздался девичий голос того, кто как раз надевал на Орона тонкий металлический ошейник. Правда, ошейником эту штуку можно было назвать лишь условно. Одну часть девушка надела пленнику на лоб, насколько стальных дуг охватили подбородок и макушку, так что снять его было совершенно невозможно. Руки и ноги Орона накрепко были схвачены обручами, из которых торчали металлические стержни.

Раздалось шипение – и раны Орона покрылись быстро застывающей пеной телесного цвета.

– Мурена, если бы ты не приходилась бы мне дальней паршивой роднёй, ты бы тоже тут осталась, – отрезал Дэн. – А теперь всем закрыть рот и собираться.

Бойцы засуетились. Никого не волновала судьба троих людей, которые всего несколько минут назад были их главарями.

Дэн обернулся:

– До свиданья-а-ния, бейбы!

Минута – и в огромном пространстве храма остались три человека.

Тела их были прикрыты только тонкими техническими комбинезонами, лица словно мгновенно постарели, хотя им было всего лет по тридцать-тридцать пять. Волосы на их телах полностью отсутствовали.

– Прости меня, дружище... – обратился Врач к бывшему Командиру.

– Уходите.

– Сволочь, ты и теперь будешь решать, что нам делать? – злобно выкрикнул Штурман.

– Прощайте и уходите. К чему разговоры? Вы же видите: аптечек нет, я протяну ещё с час, максимум.

Врач и Штурман переглянулись.

– перевязка не поможет? – спросил Штурман у Врача.

Тот покачал головой.

– Нет, уже не поможет. Слушай, Командир, зачем ты терзал этого малого?

– Теперь уже неважно. Дайте мне спокойно сдохнуть. Хотя я погиб задолго до этого...
Уходите.

– Командир, я тебе скажу, хоть ты и человек мне непонятный, я рад, что судьба свела меня с тобой! – с чувством произнёс Врач. – Воевали мы славно и честно.

– И я, – коротко заключил Штурман. – Прощай.

– Выполните мою последнюю просьбу, – тихо сказал Командир. – Перенесите меня вон туда. Только не прислоняйте к нему, положите рядом.

Они так и поступили.

И ушли.

Пробираясь по закоулкам к тайному выходу рядом со Штурманом, Врач задумчиво обронил:

– Никогда не знаешь, как всё выйдет. Теперь мы с тобой свободные люди...

– Куда ты меня ведёшь? – перебил его товарищ. – Неужели отсюда есть выход?

– Да, иначе как тот мальчик забрался сюда? Хорошо, что они об этом не подумали...

А если и подумали, то промолчали. Тупица Дэн уж точно не дотумкает до этого! Этот пленник

сказал мне, как найти выход, и попросил забрать одну вещицу. И я тебе клянусь, я его просьбу выполню!

Они с трудом выбрались наружу через узковатый для них лаз и скрылись в темноте и древесной чаще.

Командир лежал в луже, истекая кровью.

Один.

Он не знал, что делать, он не знал, как молиться, хотя ум его помнил много молитв, даже таких, о которых мало кто ведал.

Вдруг он заметил, что воздух вокруг него начал светиться.

Какие-то странно светящиеся испарения поднимались вверх от всех поверхностей, даже от его кожи отделялись светящиеся частицы и устремлялись вверх...

«Я сказал, что должен умереть здесь. И я умираю здесь. Как странно... Сателлит Смерти „Призрак“, – подумал Командир. – Всё. Началось».

Храм был весь объят сиянием. Казалось, реальность растворяется в потоках света и уносится ввысь.

Кожа Командира стала отделяться лоскутами, обнажая всё, что под ней было.

– Всемогущий!!! – завопил он что есть силы. – Прости меня!

В воздухе разнёсся смех.

– Смотрите-ка, этот человеческий детёныш стал просить прощения у Него! А если бы ты сейчас был жив, то не вспомнил бы Его... Он наш!

Командира окружили какие то сумрачные тени. Он не обращал, не хотел обращать на них внимания...

– Мать Сына! Мать Сына! Услыши меня! – закричал он в отчаянии – и увидел, как из-под отделяющихся мышц и жил проглядывают кости. Его собственные кости.

– Молю тебя! Даруй прощение! Я не хочу умереть, как Юуда!

Кости его ног горели, от них вверх вился яркий дым, исчезающий где-то высоко...

Он больше не смог произнести ничего: лёгкие сгорели, он видел своими сгоревшими глазами пустоту между рёбер.

В последний раз, не горлом, а всеми остатками своего существа он возопил:

– Маа-ама-а-а!

И чёрные тени, которые окружали его, начали отступать.

Он увидел свет, где то далеко-далеко, и готов был отправиться туда.

Всё вокруг уже раскалилось добела!

Весь он стал похожим на огромный костёр, он ощущал невыносимый жар. Но вдруг ощутил на своём уже рассыпавшемся в прах лбу холодную длань. Он перестал корчиться в невыносимых муках, замер – и растаял в пламени...

3. НЕБЕСНОЕ ПЛАМЯ «ПРИЗРАКА»

Отряд выбрался наружу.

Всё те же непроходимые заросли, припорошенные лёгким снегом, встретили их..

– Строиться! Переключка! Сладкий!

– Я!

**– Мурена! – Я! – Простой! – Я! – Колбаса! – Я! –
Некромант! – Я! – Жухлый! – Я! – Безымянный!**

– Я!

– Прыгать не будем, Жухлый нам протопчет тропинку! – рявкнул Дэн.

– Опять я! – недовольно отозвался боец. – У меня заряд уже на шестидесяти процентах!

– Ничего, если не дойдёшь, понесёшь свой экзик.

Жухлый не ответил. Он направился в сторону зарослей. Раздался треск: Жухлый размахивая боевым мечом, сносил кустарник и мелкие ветви.

Отряд двинулся ему вслед.

Экзоскелет таил в себе большую силу: при полной зарядке человек в нём мог, к примеру, вырвать с корнем большое дерево, прыгнуть на несколько сотен метров, плыть по воде или под водой с большой скоростью, запросто кулаками дробить самую твёрдую породу, мчаться со скоростью восемьдесят километров в час.

Но, конечно, основным его применением был бой.

Спереди он был достаточно прочен, чтобы выдержать попадания мелкокалиберных световых лучей, его трудно было разрубить боевым мечом. Но полную безопасность он не мог обеспечить. И поэтому противник придумывал всё новое оружие, находя в экзоскелете уязвимые места.

Многое зависело и от мастерства бойца.

Самой незащищённой частью экзоскелета была задняя сторона. Мнения специалистов сходились на том, что это заставляет бойца всегда встречать врага лицом.

Но мудрые и старые воины говорили, что всё это чепуха, просто заводчики экономят. Да и Зина плут, не хочет раскошелиться на полную защиту! А вот его личная гвардия телохранителей щеголяет в полных экзкостюмах, которые защищены со всех сторон...

Самое страшное было – подпустить врага с тыла или попасть в окружение. В таких случаях порой, рассказывали ветераны, погибали целые полкиры. Тогда все люди страны Свободы покрывали свои лица и жилища трауром. Выстраивались длинные очереди у здания Патриотизма – и там, перед голограммой знамени погибшего полкира, каждый вырывал из своей головы клочок волос и бросал к подножию голограммы. А тот, кто был лыс или брился, отрезал лоскуточек кожи, размером с одноцентовую монетку, и швырял туда же. Поэтому все старались ухаживать за волосами...

Хуже всего приходилось родственникам командира, который допустил ошибку и довёл свой трёхтысячный отряд до гибели: им предписывалось в знак горя вырвать из головы все волосы или лишиться куска кожи величиной с ладонь взрослого человека.

Гражданами здесь становились с семи лет – с этих пор гражданин имел право сражаться. Мальчику или девочке вручался боевой нож, с которым они не расставались уже никогда, до самой смерти.

«Лучше бы я остался с Врачом и Штурманом, а я бы и остался, если бы не Мия. Ведь её, как наложницу дезертира, сделали бы рабыней, – горько думал Жухлый. – Этот идиот Дэн просто не знает, как рассчитать прыжок, и никто этого не знает! Но этого мало – рассчитать... Штурман был в этом экстра-класс! Других таких нет. Наши незначительные боевые потери – наполовину заслуга Штурмана, а наполовину – Комка. Да и Врач у нас спец. Был... Он с ума сошёл, этот Дэн. Щенок! Крысёныш зиновский. Мы с ним долго не протянем! Погибнем в первом же бою, если даже Зина будет держать его подальше от самых горячих мест. Дурак, лучшего рубилу отправил кусты рубить! А если попадётся враг, а меня заряд уже сорок пять?!»

Впереди показался край зарослей: до тропинки, по которой они пришли сюда, оставалось метров двадцать.

– Строиться! – скомандовал Дэн.

– Дэн, малыш, у тебя что, голос ломается? – слышался насмешливый голос Мурены. – Вы слышите, ребята, наш Дэн вступил на путь мужества!

Бойцы захихикали.

– Молчать! Уродцы! Я вам покажу, я вам не старый Комок, который вам соплю вытирал. Бегом, за мной!

«А тебе он не вытирал? – мысленно усмехнулся Жухлый. – Ну, Мурена, вот девчонка! Конечно, никто бы не стал так дерзить племяннику Зины, не обладай он особым статусом. Однако девчонка на волоске от того, чтобы попасть в опалу. Или не понимает этого?.. А может, надеется, что Дэн её выкинет, переведёт в другую группу? Неее-ет, он не выгонит, он её просто уорбит, подставит где-нибудь. Ээх...»

Они пробежали километра два, поднялись на большой холм.

Посёлок оказался весь как на ладони. Посреди него, в центре площади, стоял храм.

– Готовы, – отрапортовал кому-то Дэн.

Орон тяжело дышал, ему казалось, что сердце и лёгкие сейчас разорвутся, выпрыгнут из него по частям.

Пот катился с него градом. Было холодно, но от его тела поднимался пар.

Уже выйдя из храма, он понял, что не принадлежит себе. Его руки и ноги не подчинялись ему, как и всё тело. Он чувствовал, что его сознание, его ум, всё, что в нём человеческого, – просто «пассажиры» в некогда принадлежавшем ему, а теперь чужом теле.

Он понял, что ошейник полностью контролирует его тело.

Его тело слепо следовало за одной из фигур, на спине которой красовалось изображение неизвестной ему рыбы – он отчётливо видел эту рыбу в свете уже ярко сияющей полной луны. Его тело двигалось бессознательно, оно могло бежать до тех пор, пока он не умер бы от истощения или разрыва сердца. Он мог потерять сознание от боли, а оно продолжало бы бежать.

Он чувствовал всё больший ужас, и когда они достигли холма, ему показалось, что он постиг безумие.

Фигура с рыбой приблизилась к нему и осторожно смахнула железной рукой густую пену с его подбородка.

– Не бойся, если Врач прав, то ты и не такое выдержишь, – прошептала она. – Сейчас я на время переключу ошейник в режим «стоять», а то ты упадёшь. Зато сможешь немного успокоиться, бедняга...

Так она и поступила – и Орону стало ещё хуже: лёгкие остановились, ему пришлось напрячься, вспомнить, как надо дышать. Перед глазами поплыли разноцветные круги...

И вдруг наступило облегчение – и он увидел столб света, падающий на храм.

В небе сияла полная луна, тучи унесло. Гладь небес покрылась россыпью звёзд.

Внизу, с того места, где он много раз бывал и один, и с друзьями, и с Наставником, он увидел посёлок и стоящий посередине храм.

Храм сверкал в столбе света.

Столб сужался кверху и исчезал в высоте, превращаясь в гигантскую иглу, остро упираясь ввысь. Столб света охватывал огромное пространство вокруг храма, далеко за пределами окружающих его зарослей.

Странные искрящиеся точки стали подниматься от здания вертикально, всё увеличивая скорость, собираясь в стремительный поток ослепительного света.

Храм сиял.

Орон увидел, как в окнах некоторых домов загорается свет, как маленькие фигурки людей выскакивали на улицу. Скоро уже, наверное, половина посёлка бегала по улицам, слышались встревоженные крики. Несколько фигурок медленно приближались к храму. Среди них были дети.

Самые смелые оказались внутри круга – и было видно, что они тоже начали светиться. Некоторые, их было около десятка, бросились назад. Но, преодолев черту, выскочив за пределы круга, они уже не светились, а горели, пылали! Люди падали, вопили от боли и ужаса. Те же, что остались внутри, встали на колени и от них вверх тоже стал струиться свет.

Внезапно сияние усилилось. Казалось, всё и вся, что находилось внутри круга, раскалилось добела.

– Бедные, бедные люди... Зажмурь глаза! – услышал Орон девичий голос из экзокостюма с рыбой.

Он повиновался, и в этот момент, даже сквозь веки, увидел ослепительную вспышку света!

И наступила темнота.

Он приоткрыл глаза, но не сразу смог видеть. Немного позже, уже привыкнув, разглядел огромное оранжево-красное пятно, идеальный круг, который очертил столб света.

Храма не было.

Со стороны посёлка доносились крики, люди ходили, падали, цеплялись за изгороди, за стены, снова падали...

– Мама, мама, где ты? – прошептал Орон.

– Смотри, видишь там, высоко, красную точку? – сказал кто-то рядом. – Это остывает зеркало спутника Смерти. Его называли «Призрак», потому что он невидим до удара и спустя час после него – исчезает. Он может стрелять только раз в десять месяцев, а потом десять месяцев накапливает энергию для следующего выстрела. Ума не приложу, зачем Зине понадобилось стрелять по этому месту. У него под контролем всего один этот спутник, он ослабил нашу космическую оборону на четверть.

Красная точка вверху вспыхнула маленькой звёздочкой и пропала.

– Что это было, Дэн? Что это было?!

– Может, технический сбой, эти спутники созданы бессмертными, но не безупречными, – вместо Дэна девушке ответил Жухлый.

Отряд шёл уже четырнадцать часов в полном молчании. Давно уже они перемахнули частокол – все прыгнули, а Орона крепко обхватила девушка-«рыба», как он её называл про себя, и перепрыгнула вместе с ним. Ноги его были сломаны, но никто не обращал на это внимания, даже он сам.

Наконец после пустынной степи, впереди показался лесок.

Там и сделали привал.

– Сладкий, выдай Жухлому батарею Врача. Что, Жухлый, ты думал, я такой глупец, и ты понесёшь свой экзик на себе? Нее-ет. Я всё же разбираюсь в некоторых вещах и помню, что такое боеспособность группы.

Голос Дэна был полон гордости за самого себя:

– Мурена, прогрей пленного, всё же лучше, чтобы он шёл сам, чем волоочь его на себе.

Орон увидел, как его конвоирша направила на него оружие.

Он почувствовал, как к нему идёт тепло, стал согреваться дрожь прошла.

– Это инфракрасный режим, хотя что тебе скажут эти слова? – насмешливо сказала «рыба». – Говорим мы на одном языке, это хорошо, но ты же дикарь. Хоть и миленький. Хм. У тебя слишком умные глаза для такой глуши... Как зовут?

– Орон. Мож-жно Рон, – ответил он, клацая зубами, и сделал попытку улыбнуться.

– Эээ, я бы на твоём месте не улыбалась.

Выставили дозорных и все по очереди немного поспали.

Орон провалился в сон сразу. Ему ничего не снилось. Казалось, он только на минуту закрыл глаза, и тут же его возвратили из небытия: «рыба» трясла его за плечо.

– Вставай, пора.

И они снова двинулись в путь.

Орон уже привык к тому, что «ошейник» всё делает за него.

«Какой ужас, – размышлял он, – я сам себе не хозяин, кто-то управляет мною... или что-то. Значит, Наставник говорил правду? Никто ему не верил, когда он рассказывал, что машины управляют людьми, что они научились превращать людей в безвольные куклы и овладевать их волей! Но он рассказывал и о том, что некоторые могли выходить из-под контроля. Я вспомнил: он говорил, что нужно молиться и не покоряться...»

Он попробовал, он стал усердно повторять молитву, которой его научил Наставник, стараясь посылать сигналы частям своего тела. С этого момента он начал бороться.

Он пытался сжать кулак, или дёрнуть ногой, но ничего не получалось. Никаких результатов.

Так продолжал он свой путь, вспоминая беседы с Наставником. Это было давно, и он старался восстановить в памяти всё как можно подробнее.

– Что делает человека бессмертным, Наставник?

– Смерть, но только перед нею нужно прожить добрую жизнь.

– Значит, нужно побыстрее умереть?

– Зачем же торопиться? Люди, которые неблагоразумно распоряжаются дарами Господа, после смерти тоже обретают бессмертие, но бессмертие мучительное... а это страшно. Жизнь – это дар Господа, бесценный дар, который мало кто по-настоящему ценит.

– Странно, но ведь многие мучаются в этой жизни... Кловин говорит, что это нам за грехи прошлой жизни.

– Поменьше слушай Кловина, бедняга никак не может разобраться в тех глупостях, которые услышал от людей неистинной веры. Глупость заразительна, малыш, как любая зараза, которая плавает в протухшей луже. Если человек впустил внутрь себя плохую мысль, то он даже не замечает, как она растёт и отравляет его. А потом, когда вырастает до больших размеров, она становится хозяином человека, руководит им, и владеет.

– Странно, но ведь будь Бог таким всемогущим, то зачем Ему разрешать плохим мыслям властвовать над людьми?

– Бог создавал человека совершенно свободным, и в этом уникальность Его творения. Посмотри вокруг: везде полно всяких машин, которые не имеют никакой свободы, это и человек может сделать.

– Да, у Мирканы есть даже робот, оставшийся от Богатых Времени, и вправду – он убирает её дом, стирает, готовит. Разве он не свободен?

– Конечно, нет, Рон. Он даже не может думать так, как думает человек, у него есть определённая программа, она и решает за него. Но даже не это главное. Главное, что у него нет чувств, эмоций, у него нет души.

– А у нас есть? Как её увидеть, свою душу? Мы ведь делаем то же, что и роботы, например, убираем своё жильё...

– Бог спрятал душу очень глубоко в человеке, чтобы сам человек не мог ею владеть. Иначе некоторые люди с удовольствием обменяли бы её на что-то, по их мнению, более полезное, потеряли или продали кому-нибудь, да хоть бы противнику Бога, или другому человеку. Увы, люди часто алчны и глупы...

Наставник задумался, задумался и Орон.

Он много услышал нового и совершенно неизвестного ему.

Он ходил с матерью на службы в храме, помогал наводить порядок в святилище, иногда тихонько подпевал хору, стараясь разобраться в пении, но он совершенно не имел представления о вере и о том, как она проявляется в людях и в их жизни.

Орону было шесть лет, когда молодой неведомый странник пришёл в их селение. Он поселился в заброшенном храме.

Об этом храме ходила дурная слава с тех пор, как храмоборцы посеяли в людях смуту. Из века в век храмоборцев в народе становилось то больше, то меньше...

В последний раз, ещё до рождения Орона, как ему рассказывала мать, они захватили селение, выгнали из храма последнего монаха, самого старого, последнего из некогда обширной монашеской общины. Затем они разграбили храм, и, собравшись все вместе, с семьями, детьми и домочадцами, отправились в большой город продавать всё то драгоценное, чем им удалось поживиться. Они надеялись побывать на ежегодной ярмарке и хорошенько повеселиться там. Награбленного было очень много: один только золотой голубь из-под храмового купола весил пять квантимов! Было там и золото, ободранное с изображений мучеников, золотые, серебряные и бронзовые подсвечники, светильники и драгоценные камни, множество тканей, шитых золотом. А ещё – бочки с древними винами, маслами и мёдом. Они стали настоящими богачами! Просто немыслимо, сколько они могли за всё получить денег, продай они всё даже по самой низкой цене...

Долго их не было, и люди удивлялись и думали, что все эти храмоборцы остались жить в городе. Дома их постепенно обрастали бурьяном.

А потом о них стали потихоньку забывать.

Но однажды заблудившийся путник попросил приюта у старой Мирканы. Между пересказами всяких новостей, он рассказал, что десять месяцев назад на обоз, идущий с этой стороны, напали ворки, прямо возле Анаэбля – того города, в который они направлялись. Разбойники убили и сожрали всех, кто там был. Ничего не осталось, кроме кровавых следов, что впрочем, дело обычное, раз там побывали ворки.

Никто бы и внимания не обратил на этот случай, но военный отряд нашёл на месте побоища настоящие сокровища, которые теперь внесены в военную торговую палату для нужд армии.

Конечно, все верующие люди поняли: это кара за ту жадность, что проявили их обезумевшие соседи. Но другие ничего странного в случившемся не видели, потому что нападения ворков хоть и редкость, но всё же случаются. И эти последние, несмотря на то, что их соседи погибли, всё равно испытывали зависть к их награбленному богатству. Они размышляли, что поступили бы разумнее с сокровищами храма...

Селение, в котором жил Орон, вместе с частью леса и огородами было окружено высоким каменным частоколом. Хоть здесь, в малолюдных краях, разбойников не было, всё же выходить за пределы ограды люди старались только по большой необходимости.

– Придёт маленький ворчок и укусит за бочок!

Так иногда говорила мама, и всякий раз маленький Орон сжимался от ужаса, потому что ничего страшнее кровожадных ворков нельзя было даже придумать! Так страшны были рассказы о них... Никто из местных ни разу не видел ворков, и потому, может быть, они казались ещё страшнее.

Городок или, скорее – деревенька или посёлок, находился в стороне от больших дорог. В этом было его преимущество в беспокойную, лихую пору. Все большие сражения, погромы, грабежи и другие волнения обошли его стороной.

Когда-то давно, до того, как мир пал, это был большой город, но многое изменилось с тех времён. Начались войны, эпидемии, голод.

Может оно и к лучшему, как твердила Орону мать, потому, что сейчас во всех больших городах беспокойно, всем там приходится работать для победы армии с утра до ночи. А у нас

жизнь течёт по-старому – спокойно, тихо, здесь люди приспособились жить без благ цивилизации.

Но ровно через год после разграбления храма внезапно рухнула зерновая башня. И тогда люди действительно испугались...

С тех пор храмоборцы уже никогда не пытались даже возвысить свой голос, да и осталось их совсем мало, единицы.

– Наставник, а почему правитель Зина так преследует нас? Ведь ты не против его власти, мы стараемся не грешить, трудимся, и даже я слышал, как ты молишься за него. Разве можно допускать такую несправедливость?

– Не так всё просто малыш, это сложный вопрос. Я и многие наставники думаем, что сам Зина, возможно, прекратил бы гонения. Ведь сначала, до своего двухсотлетия, он смотрел на нас вполне дружелюбно. Конечно, имелись запреты, но они носили скорее формальный характер. Увы, скоро всё изменилось. Дело в том, что на самом деле Зина – не полновластный хозяин страны, он вассал более могущественного и страшного человека, имени которого мы не знаем, как мы не знаем, откуда он. Но точно известно, что Зина своим долголетием обязан ему. Да и всё современное оружие Зины приходит воздушными караванами из далёкой страны! Как и многое современное оборудование для заводов и фабрик. Поэтому отношение наших отцов к Зине двояко: одни считают его исчадием ада, а другие не без оснований полагают, что он ведёт двойную игру, понимая: и отдельный человек не может жить без совести, и государство не может жить без совести. С коррупцией он пытается бороться, но с грехом, который разлагает каждого человека, разлагает государство, он бороться не может. И между царством греха и погибели и Царством Божиим, его выбор однозначен.

4. ВОРКИ

Начало темнеть, на небе опять стали собираться свинцовые зимние тучи.

Землю накрыла тьма.

Орон совершенно ничего не видел, однако ноги его (без его участия) становились туда, куда было надо, тело огибало препятствия, как будто кто-то другой за него чётко видел на пути и ямки, и камни, и деревья.

Он не знал, что отряд движется по приборам ночного видения, а мощный процессор в экзоскостюме Мурены перерабатывает огромный поток информации, поступающий от множества датчиков и радаров, и посылает сигналы на его «ошейник», которому подчиняется вся двигательная система Орона.

Отряд вошёл в ущелье между скал.

– Эй, Дэн, ты ничего не заметил? Что-то мелькнуло справа, – послышался тревожный голос из команды.

– А этот маршрут точно безопасен? Я что-то не припомню, чтобы Штурман нас без нужды гнал в скалы, – поддержал товарища ещё кто-то.

– Спокойно, трухарики, проскочим, тут всего на двадцать минут...

И в ту же секунду Орон услышал звук спущенной тетивы.

Только он был чуть ниже, но гораздо сильнее – так, что даже обдало ветерком...

– Простой! Простой, ты где? – послышался тихий голос Дэна. – Пленник пропал у меня с экрана. Всем приготовиться, отступаем! Я, кажется, вижу...

Орон же ничего не видел, он мог только слушать.

Он услышал вскрик – и всё вокруг озарилось светом. Бойцы активировали боевое освещение, не полагаясь больше на приборы ночного видения.

Орон зажмурил на мгновение глаза, потом открыл их, стараясь быстрее привыкнуть,

И увидел, что стоит в центре группы из шести человек. Вокруг громоздились скалы, а на выступах впереди чернели две огромные фигуры. Они казались размером больше самой большой коровы – сравнение, которое первым пришло на ум Орону. Исполины пригнули головы, словно готовясь к прыжку, и смотрели в упор на отряд.

Первые минуты оцепенения прошли. Как только кто-то из бойцов Дэна шевельнул рукой, потянувшись к мечу, фигуры просто исчезли. Человеческий глаз не успевал зафиксировать их стремительный прыжок, только на скале вспыхнули снопы искр от их когтей.

И тут же страшная сила метнула первого из бойцов отряда вправо, и это летящее пятно разделилось на несколько частей и тучу красных брызг, послышался грохот ударившегося о скалу экзоскелета, напоминающий лязг осыпающихся, пустых консервных банок...

– Какого рожна ты нас сюда завёл!

– Отступаем! Я видела позади какую-то нору, за мной! – услышал Орон в хоре криков знакомый голос «рыбы».

Через мгновение они оказались в небольшой пещере. Узкий вход мог бы стать для них спасительным. Мурена установила возле пещеры мину и запрыгнула внутрь.

Раздался взрыв.

В разъярённом огне Орон узрел на мгновение огромную разъятую пасть, услышал страшный рёв – и снова наступила тишина.

– Жухлый, поставь ещё одну мину, все контролируйте вход! – Дэн почти перешёл на визг.

И тут все услышали, как позади них осыпаются камни.

Орон стремительно повернул голову – и ему показалось, что волосы на его голове зашевелились: посередине пещеры возвышалась ступенчатая спиралевидная насыпь, из её углубления на них тарасились две пары глаз маленьких ворков.

Маленькими их, конечно, можно было назвать только условно: головы у «детешек» были раза в полтора больше человеческих.

Ничего подобного Орон прежде не видел.

Ему подумалось, что и вояки, пленившие его, раньше ничего такого не встречали. Разве только на картинках...

Давно, очень давно, какие-то сумасшедшие учёные решили создать гибрид быка, медведя и волка. Поговаривали, что в этот зверский коктейль добавили ещё и гены крысы, таракана, летучей мыши, змей и всякой прочей нечисти.

И получились ворки.

По разуму они превосходили даже дельфинов, и сначала были ручными. Здоровенные твари, в полтора раза больше самого большого быка, служили людям за океаном, в какой-то давно забытой, но проклинаемой всеми ныне живущими стране.

Верхом на ворках те люди покорили весь скалистый континент, никто не мог противостоять их мощи и ловкости. Захватчикам было достаточно приблизиться к врагу и спустить своих зверюг с цепи, дело довершали три саблевидные челюсти и когти огромных медвежьих лап...

Алчность завоевателей не знала границ, и когда они покорили материк, то стали заявлять о господстве над всей планетой.

Что случилось потом на самом деле – не знал никто.

Одни говорили, что армия ворков вышла из под контроля потому, что начался голод. Другие говорили, что купцы некоей страны вывели зелье, заразившее ворков бешенством.

Катастрофа была столь стремительной, что только несколько человек успели запрыгнуть на небольшой корабль и уплыть с материка, где всё истребили ворки.

Всё это пронеслось в голове Орона в мгновение.

Дальнейшие события происходили так стремительно, что думать стало некогда.

– Твари! Твари! – заорал Дэн.

И стал палить из лучемёта по выводку ворков.

Во все стороны полетели ключья пылающей плоти, пещеру заполнил страшный визг – то ли лай, то ли рычание, – полный боли, страдания и призыва.

– Стой, стой, дурак, что ты творишь! – заорал Жухлый.

– А-аааа! – его крик перешёл в вой отчаяния. – Нас теперь никогда не выпустят отсюда!

Что же ты наделал...

В то же мгновение у входа раздался взрыв, но ни взрывная волна, оторвавшая ворку заднюю лапу, ни каскад осколков, распоровший ему брюхо, не остановили зверя – он мгновенно подмял под себя одного из бойцов, молниеносным движением передней лапы полоснул по другому, который осыпался у стены бесформенной грудой, два щелчка челюстей – и экзоскелет под ворком перестал дёргаться. Огромная, окровавленная пасть из трёх челюстей вытянулась к потолку пещеры и издала пронзительный вой на таких высоких частотах, что люди согнулись, зажав уши.

Орон осознал, что он сползает по стене, царапая острыми камнями спину.

Вой перешёл в такой низкий регистр, едва слышимый, но такой мощный, что Орон испытал неведомый ему ужас.

Существо медленно осмотрелось вокруг.

Раздался первый выстрел, второй, пещеру наполнила канонада – стреляли все, оставшиеся в живых. На камни посыпались хрустальные гильзы.

Ворк бросился на ближайшего бойца, но тот успел отпрыгнуть.

В этот момент кто-то вскочил на ворка верхом и вонзил ему в затылок сверху свой меч. Тело зверя проползло немного вперёд и замерло.

Орон увидел, что на ворке сидит девушка-«рыба».

– Ааааа! – заорал Жухлый и метнулся к выходу из пещеры.

Орон лишь успел уловить всполохи боевого меча, словно кто-то стремительно махал горячей палкой в темноте. Это не было похоже на обычный поединок: лапы из темноты входа стремительно вылетали в сторону Жухлого, но там, где так же стремительно их должен был поразить пылающий меч, они исчезали, и снова врывались внутрь пещеры растопыренными когтями, чтобы мгновенно исчезнуть.

Теперь все бойцы стреляли в проём, ведущий в пещеру.

И вдруг наступила тишина.

– Ушли... пока ушли, похоже... – прокомментировал Жухлый. – Аа-а, вижу их: отступили и уселись в трехстах метрах примерно, раны вылизывают друг другу. Надо же! Мне бы кто вылизал...

– Не обольщайся Жух, – пошутил кто-то. – Это смотря куда тебя ранят... а так вообще у нас аптечка предусмотрена. Сколько нас?

– Та-аак, это то, что осталось от Сладкого и Некроманта, – Мурена осмотрелась. – А где Дэн? Дэээн?! – позвала она.

Раздался хлопок, в глубине пещеры блеснуло.

– Колбаса, глянь, что там, не самоподорвался ли нечаянно наш героический командир...

– Их когти и клыки легко вспарывают пластины наших экзоскелетов, но ведь этого просто не может быть, Мурена! Нам об этом не говорили... – проворчал Жухлый.

– Да с ними просто ещё не сталкивались так близко, как мы... а если и сталкивались, то об этом никто уже не мог рассказать, сам знаешь, почему. Нас сожрут в этой дыре, и тоже никто не узнает.

Мурена подошла к мёртвому ворку и склонилась над ним, разглядывая его челюсти, осторожно провела рукой – настоящее лезвие, даже острее. Всё в слизи, видимо, она работает в качестве смазки, что облегчает рассекание. По такому же принципу, кажется, поступали сатираи – смазывали свои мечи... Пока не появился комбинированный лучевой. Но истинные мечи сатираев и сегодня в большой цене.

– Ах! Вот оно что! Посмотрите, каждая челюсть ворка – это же самый настоящий меч сатираи! Вот как сатираи добывали свои мечи... Забавно!

Её размышления вслух, прервал подошедший Колбаса:

– В общем, там был небольшой лаз...

– Почему был? – прорычал Жухлый.

– Не перебивай, Жух! Был, потому что наш боевой командир исчез, а проход этот подорван и завален, запах взорвавшейся гранаты я уж могу отличить от запаха обделавшегося командира.

– То есть, ты намекаешь, что наш доблестный командир в пылу сражения решил осмотреть пути отступления и нечаянно уронил гранату, которая зацепилась чекой за его геройский палец?

– Да, именно на это я и намекаю, Жухлый. Слинял наш новоиспечённый командир. Геройски отступил, спасая жизнь племянника вождя, то есть свою.

– Не смешно, парни, ваши острооты могут довести до рвоты! – Мурена присела возле Орона. – У Дэна было единственное средство связи. У него, как я поняла, остались все резервные батареи, аптечки. У нас этого не густо... Ещё пара нападений – и закончатся патроны. Останутся мечи, но их хватит на час боя, а это ведь необычный бой, согласитесь? Махание работающим мечом без толку – словно газетой от тучи комаров отмахиваться в чистом поле. Мин осталось всего четыре, три на входе... Даа-а, вот так влипли мы, ребята, с нашим боевым командиром! Надо было его сразу шлёпнуть.

– Но как, Мурена? Ты же знаешь, что за всем онлайн присматривали сверху, это бы расценили как бунт. Тебе-то что, у тебя близких там не осталось, а у нас... Да и кто мог знать? – возразил Жухлый.

– Зато теперь не онлайн, теперь можно сказать, что Дэн – дерьмо! – звонко крикнула Мурена. – И поделом всем нам! За наше безволие...

– Хватит! Мур, мы не меньше тебя ценили и Штурмана, и Врача, и Комка, но ты забыла, что у каждого внутри шлема установлен зарядик на случай предательства? Мы бы все там остались без головы! Всё происходит по воле нашего великого вождя. И каждый из нас знает, чем это может закончиться. Может, ему сам Зина приказал драпануть? Бесценный племянник оказался дороже дядюшке, чем бесценный пленник, за которого предназначено такое огромное вознаграждение, – веско подал голос молчавший ранее Безымянный.

– Да? Что ж, может, ты и прав... потом разберёмся. Но сначала надо отсюда выбраться! Сколько их там, снаружи? Глянь-ка, Жух.

Жухлый осторожно выглянул.

– Уже шесть. А было три. Нет, нам конец. Я даже не смог коснуться его мечом! А этот, – Жухлый пнул тушу мёртвого ворка, – одним взмахом раскрыл Сладкого и перекусил Некроманта! Хряп и всё, не спасли боевые доспехи, которые выдерживают выстрелы лучевого оружия, удары меча... из челюсти и когти проходят через них, как горячий нож сквозь масло!

– Странно, почему до сих пор они не нападают, а живут в этой части побережья втихаря, – задумчиво произнесла Мурена.

Жухлый подошёл к гнезду и осторожно заглянул в него.

– Чешуя рыба, мама дорогая, они рыбу едят! Ещё, чего доброго, окажется, что среди них есть вегетарианцы...

Он засмеялся и вдруг отскочил:

– Один жив! Он жив! Шевельнулся... – он потянулся к лучемёту.

– Отдайте его, отдайте, не убивайте, – тихо промолвил Орон.

– Даа-а? А с чего это презренный гайяни открыл свой рабский рот?! – прошипел Колбаса. – Ты думаешь, если к тебе приставили Мурену, девку добрую, то...

В следующий момент он отлетел к стене, сбитый ударом Мурены, а ещё через мгновение у его горла дрожал кончик её огненного меча.

– Молчи, глупец, ты знаешь, что я не добрая. Он прав! Если бы не этот щенок Дэн, то мы отдали бы воркам детёнышей и, может быть, имели бы шанс уцелеть. Ворки, обременённые детёнышами, не стали бы драться дальше, они бы ушли ради их спасения! Но теперь, когда малыш ранен, я не знаю...

– Я согласен с Мур! Убийство детёныша нам ничего не даст. Помните урок «кетских раненых»: мудрый сатирай отдал множество пленных раненых врагу – и тот отступил, чтобы спасти их. Сатирай понимал, что не может выиграть битву, но может обременить врага заботой.

– Жухлый, вот я тебя не люблю за то, что ты умный! – повернулся к Жухлому Безымянный. – Ты вечно лезешь с этой древней блажью, которой тебя напичкали в кадетском корпусе. А я больше верую в то, что клинок хорош только в теле врага. И даже если эта чушь – правда, то пойми: кеты были люди! Люди! А не монстры. Нам конец, всё, смерть. На кой им отдавать то, что по праву принадлежит нам – жизнь одного чудовища?!

– Клинок, говоришь, в теле врага? Ну, так иди, вонзай, иди... – Жухлый хохотнул. – Что? Не несут ноги?!

Наступила тишина. Каждый думал об одном, но совершенно по-разному.

– Ладно, я согласен, три против одного, – наконец произнёс Колбаса. – Это наш единственный шанс.

– А я, может, тоже уже согласен, – проворчал Безымянный. – Не буду же я с вами грызться из-за полудохлого ворка!

– Тогда быстро, за дело! – скомандовала Мурена.

Из остатков доспехов Сладкого и Некроманта они соорудили нечто вроде складных носилок. По жребью лезть в гнездо выпало Колбасе. Он поворчал, что зря согласился на такой род любви к животным, но всё же приступил к действиям.

Жребий как средство решения – кому рисковать – был необходим: просовывать под тушу раненого маленького ворка железяки – дело, смертельно опасное. Пока Колбаса пыхтел и возился, ворчонок ободрал ему когтями несколько пластин защиты, а потом вцепился в ногу мёртвой хваткой. Колбаса негромко заорал, прощаясь с ногой, и обещал лично отрезать всем присутствующим и отсутствующим по одной ноге. Общими усилиями удалось вытащить и его, и ворка, висящего у него на лодыжке. К счастью, оказалось, что челюсти ворка ещё не достигли остроты зрелой особи. С немалым усилием их разомкнули.

Жухлый выглянул наружу и сообщил, что их караулят уже восемь ворков. Вынести ворчонка наружу следовало быстро, чтобы успеть заскочить обратно в укрытие.

– Сколько же он весит? Он что, из железа? Какая у него плотность? Мы сможем поднять его вчетвером?

– Жухлый, опять выделяешься! Хотя... и правда: как же мы эту тварь размером с бычка и твёрдую, как камень, вытащим? Лучи бластеров на нём только ожоги и ссадины оставили. И то – глянь, они уже и затягиваются! А что со вторым, Колбаса?

Безымянный обернулся к товарищу.

– Второму в глаз попало, прожгло до мозга, если там есть мозг... – ответил Колбаса.

Они собрались с силами, приготовились.

И стремительно выскочили наружу!

Двое впереди, двое сзади, между ними ворчонок. Орон замыкал, придерживая волочащийся по гравию толстенный хвост. Пройдя шагов десять, они опустили ношу на землю и бросились обратно, унося самодельные носилки. Вдруг ещё пригодятся?..

Жухлый мигом по-новой активировал минное ограждение.

– Не двигаются, почему они не двигаются? – пробормотал он. – Значит, он им не нужен? Началось томительное ожидание.

Все всматривались в тьму. Орон видеть ничего не мог, только слышал возгласы бойцов:

– Пошли, четверо пошли, медленно!

– Что будут делать, как думаешь?

– Как я хочу простой гречневой каши... .

– Смотри, они его на руки, ой, на лапы подняли... встали на задние. С ума сойти, вчетвером несут!

– Я каши хочу...

– Заткнись.

– Там, кажется, светает, конец кошмарной ночи!

– И начало кошмарного дня, или утра, если до дня доживём...

– Таа-ак, осталось четверо.

Небо побледнело и Орон, выглядывая из-за спин своих похитителей, мог разглядеть силуэты ворков на фоне каменистой пустыни.

Один из них направился к пещере.

Бойцы немедленно привели оружие в боевую готовность.

Ворк остановился шагах в двадцати. Он был похож на медведя, но в теле его угадывалась невероятная гибкость, почти кошачья грация. Но при этом – огромный вес и мощь! Камни под ним громко хрустели, как, наверное, хрустели бы они под гусеницами тяжёлого танка.

Мурену вдруг осенило:

– Они, должно быть, не очень уютно себя чувствуют на обычной почве, проваливаются! А на песке им вообще приходится плавать, не говоря уже о каком-нибудь болоте. И вода для них, я думаю, непреодолимое препятствие. Тогда понятно, почему они не распространились дальше каменистого побережья. Но как им удаётся грабить караваны? Странно.

Ворк сидел и смотрел в сторону пещеры.

Большие, похожие на человеческие глаза выглядели грустными...

Бойцы вдруг словно почувствовали его боль. Каждый ощущал неловкость, сожаление, от которого хотелось отмахнуться...

А ворк продолжал смотреть.

Неожиданно он поднял правую лапу и показал один коготь. Затем махнул им за свою спину. Потом выставил два когтя.

Прячущиеся в пещере онемели от удивления...

Орон не смог сдержаться:

– Мне рассказывали, что ворки необычайно умны для животных, но я не мог представить, что они могут так! Он показывает, что хочет второго детёныша! Я не могу в это поверить...

– Если ты, болван, поверить не можешь, то отчего мы должны в это верить? – рявкнул Колбаса.

А ворк показал когтем на себя, потом вниз, потом скрестил лапы на груди, и опять показал на место, где был.

– Королева мудрости! – воскликнул Жухлый. – Ворки-то ещё как разумны!

Он присвистнул.

Неожиданно Мурена вышла из пещеры навстречу Ворку.

Сделав три шага, она остановилась, не обращая внимания на вскрики и шиканье позади себя.

Никто не видел, что она показывает ворку, но все догадались, что она отвечает ему утвердительно.

Девушка повернулась к зверю спиной и, еле переставляя одеревеневшие ноги, вернулась назад.

– Они нас не тронут. Но выхода у нас нет. Хотя... Есть, конечно есть: надо сделать то, о чём они просят

Бойцы вскочили и дружно взялись за дело.

Никто уже ничего не говорил, всё происходило в тишине. Для взаимопонимания хватало жестов.

Так же, на носилках, вынесли мёртвого детёныша и положили перед взрослым ворком.

И стремглав кинулись назад!

Люди понимали обречённость своего положения.

В пылу схватки это так не ощущалось, как теперь, когда в нескольких шагах находился почти неуязвимый, враждебный, готовый их порвать зверь. Он показал им, что, может быть, равен им по уму. И он был не один!

Орон услышал, как у кого-то клацают зубы, кажется, это был Колбаса. Но Орона это не волновало – его взгляд был сосредоточен на лице Мурены. Оно казалось отрешённым.

Вдруг они увидели, что ворк поднялся и подошёл к мёртвому детёнышу, лёг возле него, обнял и закрыл глаза.

– Воздаяние гибели, я готов поклясться, что вижу слёзы, – потрясённо прошептал Жухлый.

– Молчи, молчи... – одёрнула его Мурена.

Из троих оставшихся ворков ещё двое поднялись и медленно стали приближаться к пещере.

Пленники отступили вглубь неё, понимая, что пришёл час возмездия.

Однако ещё один ворк лёг с другой стороны умершего малыша, обняв лапой и его, и взрослого ворка, а третий приблизился к ним и остановился шагах в пяти от скорбной группы.

Некоторое время он разглядывал лежащую перед ним мину, затем кивнул и устремил свой взор на убийц.

И снова люди в ловушке пещеры почувствовали неловкость, совершенно им незнакомую. Они не знали этого чувства ни в детстве, полном рассказов старших о славных сражениях, ни в школе воинов, ни в боях, где первым и единственным правилом было – убить врага. Они никогда не чувствовали сожаления о содеянном, а тем более – раскаяния. Но сейчас что-то странное, даже, как им казалось, постыдное заползло им в души. То ли беспокойство, то ли страх, то ли грусть...

Ворк поднял лапу и указал на лежащих. Затем сделал непонятный жест.

– Я думаю, он спрашивает, кто убил ребёнка, – тихо пробормотал Орон.

Ворк услышал его. Возможно, он выделил полуголую человеческую фигуру из ряда других, явно по виду отличающихся от человека.

– Ты что, у нас уже переводчик?! – прошипел Колбаса. – Ты хочешь сказать, выскочка, что я могу доверить тебе, как переговорщику, свою жизнь? Заткнись или я урою тебя!

Но было поздно.

Ворк поманил когтём Орона к себе.

И тому пришлось подчиниться: выйти вперёд и встать прямо в двух шагах от ворка.

Тот ещё раз повторил свой странный жест.

Ворк внимательно рассматривал человека. Прошёлся взглядом по рукам Орона, остановился на шрамах на запястьях, на окровавленных ногах. Вдруг взгляд зверя застыл: он увидел символ, висящий на шее Орона – и опять кивнул, как показалось юноше, удовлетворённо.

Орон попытался разъяснить жестами, что среди присутствующих нет убийцы малыша. Он замотал отрицательно головой и пальцами изобразил бегущего человека, махая рукой куда-то в сторону.

Но глаза ворка выражали недоверие.

– Нет, нет его тут!

Орон опять зажестиковал, но ворк одним махом повалил его и наступил лапой на грудь.

Орон задыхался, но продолжал делать отрицательные жесты, давая зверю понять, что стоящие здесь люди невиновны.

Коготь ворка завис в нескольких сантиметрах от того места на груди Орона, где находилось сердце. Зверь склонился и заглянул поверженному врагу в глаза.

Орон прочитал на его морде приговор для них всех.

– Нет, нет, нет! Не они это... – прорычал Орон и приготовился умереть.

И вдруг снаружи раздался человеческий крик.

Орон скосил глаза и увидел бегущего к ним человека. Тот что-то кричал.

Потом из его горла послышалось странное рычание и лай.

Вскоре перед ними стоял пожилой, запыхавшийся от бега мужчина, давно не стриженный, заросший бородой. Он прорычал что-то ворку – и тот отстранился от Орона, отступил на шаг назад.

– Я – служитель и раб Королевы ворков! – произнёс пришелец. – Назначен ею посредником в переговорах. Меня зовут Ассалин. Хочу сказать, что королева уже распорядилась о прекращении агрессии! Мы не хотим жертв! Надеюсь, вы не воспримете это как нашу слабость? Кто из вас здесь главенствует?

Жухлый подтолкнул вперёд Мурену.

Она не стала спорить, вышла вперёд.

– Девица? Это достойно высшей культуры ворков, но я такого не помню у людей, – удивился Ассадин. – Хотя это хорошо, возможно, это поспособствует облегчению вашей участи. Расскажите мне правду.

Мурена коротко пересказала произошедшее.

– Вам необыкновенно повезло, госпожа предводительница: стычка, к вашему счастью, имела беспорядочный и хаотичный характер. Юный орк, охранявший вход в эту пещеру, где находились его сестра и брат, увы, не сдержал свои древние инстинкты и напал первым, не имея на то разрешения! Затем, ворвавшись в пещеру, он действовал неразумно и импульсивно. А вы, госпожа воительница, видимо, настоящий мастер войны, раз смогли его одолеть! Вам не просто будет понять этику ворков, но им это польстит, как и мужество человека, который, скорее всего, является вашим имуществом, – он указал на Орона. – Уважение к собственности является для ворков священным. Конечный счёт потерь для ворков, уважающих всякую жизнь и относящихся к лишению жизни с большим сожалением, удовлетворителен. Можно считать, что долг воздаяния с вашей стороны оплачен. Со своей стороны, Королева просит вас донести до правителей вашей империи сведения о том, что на этой земле живёт племя ворков – и никому не следует сюда заходить.

– Рада слышать умную речь, господин Ассадин, – спокойно ответила Мурена. – И бесконечно рада мудрости вашей властительницы! Восхищена её решением. Можем ли мы сейчас оказать помощь нашему имуществу, дабы оно осталось жить, если у него не переломаны рёбра? Жухлый, забери пленного и обработай его раны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.